

ИЗУЧЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ЮГОСЛАВИИ

(Обзор исследований)

Массовое партизанское движение в Югославии во время второй мировой войны нашло яркое отражение в современном фольклоре сербов и хорватов, словенцев и македонцев, трудящихся Черногории, Боснии и Герцеговины. Собрание и изучение антифашистского фольклора народов Югославии протекает в последнее десятилетие весьма интенсивно.

Первые сборники партизанских песен были изданы штабами, отделами пропаганды и так называемыми «культурными группами» различных подразделений Национально-освободительной армии Югославии в 1942 г., но особенно много изданий партизанского фольклора выходит в свет начиная с 1945 г. — в Белграде, Загребе, Сараево, Скопле, Любляне, Банье Луке, Никшиче, Новом Саде, большое количество текстов появляется в периодической печати.

Однако изучение этого материала развернулось лишь в 1950-е годы. Большую организаторскую работу в этом направлении провел созданный в 1948 г. фольклорный отдел Института этнографии Сербской Академии наук. Коллективом сотрудников под руководством академика Душана Недельковича была разработана и разослана специальная анкета, адресованная участникам партизанского движения, проводились экспедиции и поездки отдельных сотрудников в разные районы страны. Так, только на строительстве Автолута и Нового Белграда в 1949—1950 гг. было записано около 2 тыс. текстов¹. Всего в архиве Института этнографии Сербской Академии наук в настоящее время имеется около 20.000 записей². Большое рукописное собрание антифашистского фольклора находится также в Институте народного искусства в Загребе и в других фольклористических центрах Югославии. Вслед за собиранием началось и исследование фольклора эпохи народно-освободительной борьбы. С 1949 г. статьи по фольклору начали печатать различные периодические издания: «Гласник» Этнографического института Сербской АН (Белград), «Republika» (Загреб), «Naši razgledi» (Любляна), «Slovensky rogočevalec» (Любляна), «Нови ден» (Скопье) и др.

Вначале это были конкретные сообщения о материалах, собранных в определенной местности, которые не претендовали на большие обобщения. Интересные наблюдения содержатся, например, в статьях М. Мойшевича³ и В. Драшковица⁴. Попытка критического анализа первых сборников партизанского фольклора осуществлена М. Бошкович-Стулли⁵. В этих статьях высказываются также предварительные соображения о связи партизанской поэзии с традиционным фольклором Югославии.

Тема антифашистской народно-освободительной борьбы в фольклоре Югославии оказалась в центре внимания VI Конгресса фольклористов, состоявшегося в г. Бледе 14—18 сентября 1959 г. Этой теме был посвящен доклад Душана Недельковича «Основные и общие закономерности развития фольклора освободительной борьбы». Выводы, содержащиеся в докладе, конкретизировались и дополнялись в рефератах других участников конгресса⁶. Выступления фольклористов, по отзыву печати, «доказали, что народное художественное творчество еще вполне живо»⁷, что партизанская поэзия — значительный этап в истории фольклора народов Югославии⁸. Вместе с тем было отмечено, что «еще остается большой комплекс вопросов, которые требуют изучения и ожидают решения»⁹. Антифашистскому фольклору были посвящены также многие доклады на VIII Конгрессе фольклористов, состоявшемся 6—11 сентября 1961 г. в Титовой Ужиче (материалы не опубликованы).

В III теме Трудов Института этнографии¹⁰ (объемом свыше 700 страниц) опубликовано обширное исследование Д. Недельковича, некоторые из рефератов, прочи-

¹ «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. LXVIII, Етнографски институт, књ. 3, Београд, 1960, стр. 44.

² Там же, стр. 311.

³ М. Мојшевић, Из партизанске поезије у Санџаку, «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. IV, Етнографски институт, књ. 1, Београд, 1950, стр. 51—76.

⁴ В. Драшковић, О савременој народној поезији у области Никшић — Жабљак — Пљевла, «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. XIV, Етнографски институт, књ. 2, Београд, 1951, стр. 279—300.

⁵ М. Бошковић-Стули, Bilješke o narodnoj pjesmi iz Oslobođilačkog rata, «Republika», god. IX, knj. II, broj 7—8, Zagreb, 1953, стр. 676—682.

⁶ Rad Kongresa folklorista Jugoslavije VI — Bled, 1959. Uredila dr. Zmaga Kumer, Ljubljana, 1960, стр. 137—283. Ж. Младеновић, Шести конгресс југославенских фолклориста, Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. 26, св. 1—2, Београд, 1960, стр. 152—153.

⁷ D. Župančić, Sesti kongres folkloristov na Bledu, «Slovenski etnograf», letnik XIII, Ljubljana, 1960, стр. 218.

⁸ Z. Kučukalić, Narodne pjesme Narodnooslobodilačke borbe — tema VI Kongresa Zaveza folklorista Jugoslavije, «Pregled», № 10, Sarajevo, 1959, стр. 318—321.

⁹ Там же, стр. 320.

¹⁰ «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. LXVIII, Етнографски институт, књ. 3, Београд, 1960 (далее цит. «Зборник радова», 3).

танных на VI Конгрессе фольклористов, а также много новых специальных статей по партизанскому фольклору.

Исследования и публикации югославских ученых посвящены различным жанрам фольклора эпохи освободительной борьбы — песням, партизанским хороводам и пляскам («коло», «оро»), причитаниям, анекдотам. В центре научной дискуссии югославских фольклористов стоит вопрос о том, каково место партизанской поэзии в истории фольклора, каковы связи партизанской поэзии с богатой фольклорной традицией и революционной поэзией, каковы новые специфические признаки фольклора на современном этапе. Д. Неделькович стремится установить основные закономерности развития «динамической структуры» фольклора на разных этапах новейшей истории народов Югославии¹¹ и отмечает, что на первом этапе освободительной борьбы (1941—1942 гг.) преобладал традиционный фольклор, особенно гайдуцкие, а также рабочие песни, а затем выявляет качественные изменения, которые происходят в народной поэзии в период разгара антифашистского восстания и намечает классификацию новых песен. Насыщенные обильным иллюстративным материалом основные разделы работы Недельковича представляют большой интерес как первый значительный опыт научного обобщения; менее убедителен последний раздел — «Некоторые закономерности народной поэзии периода строительства социализма в Югославии».

Весьма полемична статья М. Бошкович-Стулли «Народная поэзия нашей освободительной борьбы как проблема современного фольклорного творчества»¹². Автор критически оценивает многие работы своих предшественников, выступает против отождествления подлинно народного коллективного творчества с индивидуальным творчеством отдельных партизанских поэтов и вместе с тем против скептического отношения некоторых фольклористов к партизанской поэзии, стремится установить характер преемственности нового фольклора по отношению к старому.

В первых работах югославских фольклористов преувеличивалась роль традиции в развитии партизанской поэзии в ущерб выявлению новых ее признаков. Однако вряд ли было бы правомерным и преуменьшать роль этой традиции. Такая тенденция наметилась в некоторых статьях. Опубликованный югославскими фольклористами материал дает возможность судить о преемственной связи партизанских песен со старыми свободоловными песнями, а также с лирическими песнями и балладами. Традиционные образы вилы, сокола, ворона, гор и лесов, скрывающих борцов за свободу, мотивы старых солдатских песен, наполненные новым историческим смыслом, сплошь и рядом присутствуют в партизанских песнях¹³. Отмечены, правда единичные, случаи использования мифологических и даже обрядовых песен¹⁴. В Черногории проявилась традиция лиро-эпической поэзии причитаний («тужбалиц»); известны случаи исполнения «погребальных коло» не только женщинами, но и мужчинами-партизанами¹⁵.

Преобладающей тенденцией в развитии массовых партизанских песен явилась импровизация рифмованных двустиший, особенно много и охотно исполнявшихся в различных типах массового «коло». В связи с этим большое внимание югославские фольклористы уделяют современным видам «коло», в первую очередь широко распространенному по всей Югославии в годы освободительной борьбы и трансформировавшемуся «Козарочкому коло»¹⁶. Знаменательно, что на последнем этапе освободительной борьбы в Югославии стали исполняться русские песни и пляски в соединении с местными партизанскими «оро»: «Ванька», «Руски козарац», «Руско козачко», «Руска каиуша», «Руско коло» и др.¹⁷ Значительная часть партизанских песен восходит к несколько иной традиции — к так называемому «бечарцу», — юмористическим и сатирическим двухстрочным песенкам, близким по своему типу к украинским коломыйкам и русским частушкам¹⁸. Некоторые югославские фольклористы устанавливают также генетическую

¹¹ Д. Неделькович, Прилог проучavanju zakonitosti razvika нашег народног певanja y periodu. Narodne revolucije, Oslobođilackog rata i izgradnje socijalizma u Jugoslaviji, «Зборник радова», 3, стр. 39—168.

¹² Там же, стр. 393—424.

¹³ См., например, «Savremene narodne pjesme», Izbor i redakciju izvršio: Sait Oranovac. Sarajevo, 1955, стр. 26, 29, 30—35, 40, 45, 58, 73, 82, 93, 35, 96, 107 и др.

¹⁴ Об этом пишут М. Бошкович-Стулли и М. Хаджи-Пецова (см. «Зборник радова», 3, стр. 414—415, 713).

¹⁵ См. Н. С. Мартиновић, Место тужбалице у фолклору Народне револуције и Ослобођилачког рата, «Зборник радова», 3, стр. 463—478; Ј. Допуђа, Партизанске и друге народне игре у Народноослобођилачкој борби на територије Босне и Херцеговине, там же, стр. 233. Роли одарених певцов у стварању нове епичке поезије посвећен ряд работ П. Влаховича, особенно его книга «Гусларске народне песме о неким догађајима из Народноослобођилачке борбе», Београд, 1955.

¹⁶ М. Илијин, Партизанске игре у Србији, «Зборник радова», 3, стр. 203—230; Ј. Допуђа, Указ. раб., там же, стр. 232—262; I. Ivanić, Partizanski ples u Hrvatskoj, там же, стр. 281—285 и др.

¹⁷ О. Младеновић, Партизанске и друге народне игре у Ослобођилачком рату и Револуцији, «Зборник радова», 3, стр. 181, 195.

¹⁸ На этом останавливается в своей статье М. Бошкович-Стулли. См. также «Бечарцац, Антологија», Составио Младен Лесковац, Нови Сад, 1958.

связь партизанских песен с сатирическими четырех- или восьмистрочными куплетами типа «врабац»¹⁹. Благодаря исследованиям последних лет можно считать установленным, что именно на основе импровизированных дуэтиний, в процессе свободного их варьирования и циклизации, возникали более или менее устойчивые тексты песен.

Значительную роль в формировании партизанского фольклора сыграла революционная поэзия — как рабочего класса Югославии, так и интернациональная. Югославские фольклористы пишут о популярности среди партизан испанских и польских революционных песен²⁰ и особенно — о большой любви народов Югославии к русским революционным и массовым советским песням: «Дружно, товарищи, в ногу», «По долинам и по взгорьям», «Как родная меня мать провожала», «Катюша» и др.²¹ На мотивы этих песен югославские партизаны создавали свои собственные песни. В книгах югославских фольклористов приводится немало песен, отражающих братские чувства югославского народа к советскому народу, а также боевое содружество югославских партизан с Советской Армией. Тем досаднее, что в некоторых работах проскальзывают замечания, пытающиеся умалить значение этого содружества.

Подытоживая свои наблюдения, югославские фольклористы приходят к выводу, что партизанская поэзия эпохи народно-освободительной борьбы против фашизма представляет собою синтез разнородных по своему происхождению элементов, образовавшийся в процессе взаимодействия разных фольклорных традиций, традиций революционной песни и литературных влияний, идущих от поэтов — участников партизанского движения²². Партизанская поэзия возникла в ходе боевого и творческого содружества разных народов Югославии, широких масс и революционной интеллигенции, явилась результатом сочетания народной самостоятельности и деятельности культурно-художественных бригад²³. В целом партизанская поэзия составила новый этап в истории югославского фольклора по своему идейному содержанию и по художественной форме²⁴.

Никак нельзя согласиться с некоторыми зарубежными критиками, например, с итальянской фольклористкой И. Маркиори, которая в специальной работе, анализирующей югославский фольклор эпохи Национально-освободительной борьбы, делая ряд верных наблюдений над его природой, в то же время весьма пренебрежительно отзывается об эстетической ценности произведений партизанской народной поэзии и несправедливо отрицает творческий характер преобразования в них фольклорных традиций²⁵.

Опыт изучения антифашистского фольклора народов Югославии представляет для советской фольклористики несомненный интерес. Во многом он близок к той большой работе, которая ведется по изучению фольклора Великой Отечественной войны в нашей стране. В ряде случаев югославские фольклористы приходят к выводам, сходным с теми, какие сделали советские фольклористы. Поиски научной истины и споры среди ученых Югославии напоминают наши дискуссии о современном народном творчестве. Однако далеко не все, что сделано югославскими специалистами, удовлетворяет нас. До сих пор среди многочисленных сборников партизанского фольклора, выходящих в Югославии, подлинно научных изданий (с нотными записями, необходимыми комментариями и проч.) — немного²⁶. Работы, посвященные партизанскому фольклору, далеко не равноценны. Наряду с подлинными исследованиями попадаются и такие, которые страдают декларативностью и иллюстративностью; подчас научный анализ произведений подменяется риторикой. Ряд теоретических положений, встречающихся в работах

¹⁹ Д. Антонијевић, «Врабац» — нов облик масовног народног певања, «Гласник Етнографског института», VII, Београд, 1958, стр. 123—132. «Врабац» (воробей) в народной символике — вестник, предсказатель наступления времен года, приносит плодородие, отводит болезни и т. п.; этот образ был переосмыслен и стал в песнях добрым вестником о победах партизан и армии.

²⁰ Б. Караклајић, Революционарна радничка песма у Србији, «Зборник радова», 3, стр. 512.

²¹ Р. Нговатин, Slovenska partizanska pesem v znanosti, Там же, стр. 430—431; Ж. Младеновић, Значај песме за учеснице народноослободилачке борбе, там же, стр. 679; Р. Чолаковић, Записи из Ослободилачког рата, VIII, Сарајево, 1950, стр. 238.

²² Р. Нговатин, Указ. раб., стр. 426, 438—424; П. Влаховић, Улога појединца у стварању српске народне поезије, «Зборник радова», 3, стр. 697—702.

²³ Ј. Дамуђа, Указ. раб., стр. 238—239; М. Киралы, Borbene i socijalne pesme kod Slovaka, Rusina i Rumuna u Vojvodini, «Зборник радова», 3, стр. 609—621.

²⁴ Д. Недельковић, Указ. раб., стр. 53—108; М. Вошковић-Стулли, Указ. раб., стр. 407, 415—416, 419; Т. Кубелић, Stilsko-izražajne karakteristike narodnih pjesama iz razdoblja Narodne revolucije, «Jezik», Zagreb, 1959, стр. 7—25.

²⁵ Ј. Маркиори, Attualità della poesia popolare serbocroata, «Ricerche slavistiche», vol. IV, Roma, 1955—1956, стр. 136—146.

²⁶ Нам известно свыше 30 сборников разного типа, объема и качества. На наш взгляд, наибольший интерес представляют сборники, составленные В. Милошевичем, Р. Хроватином, М. Диздаром и др. Ряд лучших сборников выделяет также Д. Неделькович (указ. раб., стр. 40). В 1962 г. издательство «Нолит» издало новый сборник, составленный В. Жганецом, Б. Караклаичем и Н. Херцигонья. Научное издание песен готовит В. Жганец.

югославских фольклористов, носит спорный характер. С сожалением отметим, что свою большую и плодотворную работу югославские фольклористы ведут несколько изолированно, не учитывая аналогичного опыта советских специалистов и ученых стран народной демократии, особенно болгарских фольклористов. Видимо, здесь сказывается недостаточная осведомленность, а в некоторых случаях и неверные представления о работе советских фольклористов, проявившиеся, в частности, в одном из прежних выступлений М. Бошкович-Стулли²⁷. Думается, что более внимательное отношение к изучению фольклора Великой Отечественной войны, осуществляющемуся в Советском Союзе и в странах народной демократии, будет лишь способствовать дальнейшему успешному развитию исследовательской работы в Югославии и разрешению спорных научных проблем.

Наряду с работами фольклористов стран народной демократии, в первую очередь с работами болгарских и словацких ученых, исследования югославских фольклористов расширяют наши знания об отражении в фольклоре национально-освободительной борьбы народов Европы в годы второй мировой войны и позволяют глубже судить о процессах, протекающих в современном фольклоре славян. Опираясь на богатый материал по фольклору Великой Отечественной войны, собранный в нашей стране, и на собственный многолетний опыт его исследования, советские фольклористы имеют возможность приступить к сравнительному изучению антифашистского фольклора разных народов.

В. Гусев

²⁷ М. Bosković-Stulli, Problem folkloristike u SSSR' и «Pogledi», 55 (Almanah, Pitanja teorije književnosti), Zagreb, 1955, стр. 148—166.

НАРОДЫ СССР

А. Л. Монгайт. *Рязанская земля*, М., 1961, 400 стр.

Книга А. Л. Монгайта «Рязанская земля» посвящена не только результатам работ руководимой им экспедиции Института археологии АН СССР. Она обобщает и материалы, добытые предшественниками автора, и является большим сводным трудом, освещающим историю Рязанской земли на широком историческом фоне, в тесной связи с основными проблемами образования и развития древнерусского государства. Важной особенностью книги является то, что автор не ограничивается каким-либо одним видом источников. Его основные выводы построены на обширном круге разнохарактерных источников. А. Л. Монгайт использовал и археологические материалы, и древнерусские летописи и акты, и данные антропологии, и работы средневековых восточных географов, и устное народное творчество, и достижения современной лингвистики, и наблюдения этнографов.

Он начинает свое исследование с того времени, когда в среднем течении Оки существовали городища так называемого городечного типа, относящиеся к I тысячелетию до н. э., и высказывает ряд соображений в пользу того, что эти городища и соответствующие им селища существовали и в VI—X вв. и что ряд этих поселений не был покинут до прихода славян (стр. 64—69). Рязанские могильники функционировали, по мнению А. Л. Монгайта, также до X в. (стр. 78). К вопросу о раннем проникновении славян на среднюю Оку автор подходит с большой осторожностью, находя, что уже в V—VI вв. в памятниках этого района появляются элементы, заимствованные с запада, а не с востока. Славянские поселения IX—X вв. А. Л. Монгайт считает торговыми факториями или поселками купцов и ремесленников (стр. 87). Это положение, на наш взгляд, нуждается в более серьезном обосновании, ибо единственным аргументом, приводимым автором, является отсутствие здесь укреплений. Между тем как раз «торговые фактории» обычно укреплялись, потому что купцам постоянно приходилось опасаться ограбления. Неукрепленные же поселки характерны как для земледельцев, так (на первых порах) и для ремесленников. Но во всяком случае не вызывает возражений вывод А. Л. Монгайта о мирном характере докняжеской славянской колонизации Рязанской земли, не требовавшей постройки укреплений.

В книге убедительно показано значение торгового пути по Оке. Большой интерес представляет приводимая здесь сводка кладов восточных монет, найденных в бассейне Оки.

В главе, посвященной колонизации края славянами в IX—XII вв., А. Л. Монгайт выявляет области, колонизованные кривичами и вятичами. Пожалуй, менее убедительны те аргументы автора, которые опираются на различие типов жилища (срубные постройки на севере и полдземлянки на юге Рязанской земли). Приведя ряд интересных материалов о жилищах, А. Л. Монгайт заявляет, что «жилище лишь в малой степени может помочь в определении этнической принадлежности его создателей» (стр. 125) и что «...граница между типами жилища совпадает не только с границей вятичской и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор и